

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dxwpek>

Функции аллюзии в аспекте теории распределенной когниции в языке и речи (на материале английского языка)

Коваленко Екатерина Николаевна

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Россия, Новокузнецк
eLibrary Author SPIN: 5299-4130
ekovalenkonk@mail.ru

Ларионова Татьяна Владимировна

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Россия, Новокузнецк
eLibrary Author SPIN: 7399-4630

Аннотация: Статья посвящена определению функциональной роли аллюзии в реализации распределенной когниции в языке и речи. Актуальность работы обусловлена поиском эффективных подходов к интерпретации эксплицитных и имплицитных средств проявления когнитивно-языковой способности человека. Научная новизна исследования заключается в том, что, основываясь на имеющихся данных о природе аллюзии, выявляется когнитивный потенциал данного лингвистического феномена. Цель – определить особенности функционирования аллюзии в аспекте теории распределенной когниции, что становится возможным благодаря решению таких задач, как уточнение основных понятий исследования, описание содержания аллюзии как когнитивного явления и определение ее роли в аспекте распределенной когниции. Применены методы концептуального и контекстуального анализа. Материалом исследования послужили тексты художественной литературы на английском языке английских и американских авторов. Всего было выделено и проанализировано 43 примера сказочной аллюзии. Проанализирован интерактивный характер взаимодействия языка и человека в рамках лингвистической экосистемы, описано содержание понятий *лингвистическая экология* и *экологическая лингвистика*, обосновано использование биологического подхода к изучению отдельных языковых явлений, в частности аллюзии. В результате анализа языкового материала выявлены основные функции аллюзии: конститутивная и верификационная. Конститутивная функция позволяет выстраивать дискурсивное пространство, соотнося имеющуюся у говорящих информацию с дополнительными смыслами, возникающими в процессе коммуникации. Верифицирующая функция обеспечивает корректность восприятия действительности. Описан механизм реализации распределенной когниции с использованием аллюзии, состоящий из трех основных этапов: оценивание фрагмента действительности, соотнесение семантики аллюзии с дискурсивным пространством, формирование интеракции человека и языка.

Ключевые слова: теория распределенной когниции, аллюзия, интеракция, биоллингвистика, лингвистическая экосистема, конститутивная функция, верификационная функция

Цитирование: Коваленко Е. Н., Ларионова Т. В. Функции аллюзии в аспекте теории распределенной когниции в языке и речи (на материале английского языка). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 515–524. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-515-524>

Поступила в редакцию 30.10.2023. Принята после рецензирования 23.01.2024. Принята в печать 29.01.2024.

full article

Allusion and Its Functions in Distributed Cognition Theory in the English Language and Speech

Ekaterina N. Kovalenko

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Russia, Novokuznetsk
eLibrary Author SPIN: 5299-4130
ekovalenkonk@mail.ru

Tatiana V. Larionova

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Russia, Novokuznetsk
eLibrary Author SPIN: 7399-4630

Abstract: Cognitive studies describe explicit and implicit means of revealing cognitive and linguistic skills. Allusions play a particular role in distributed cognition in language and speech. This research featured the cognitive potential of linguistic allusion in line with the theory of distributed cognition. The authors used the methods of conceptual and contextual analyses to clarify the main research concepts, describe allusion as a cognitive phenomenon, and define its functions. The article covers such issues as the interaction between the speaker and the language within the linguistic eco-system, the concepts of *linguistic ecology* and *ecological linguistics*, and the biological approach in linguistics. Allusion appeared to have constitutive and verifying functions. The constitutive function arranged discourse by correlating the information given by the respondent with the additional meanings that occur in the process of communication. The verifying function provided the accuracy of perception. These functions made it possible to use allusion to describe distributed cognition in speech as consisting of three stages: evaluation, correlation, and interaction.

Keywords: theory of distributed cognition, allusion, interaction, bio-linguistics, linguistic eco-system, constitutive function, verifying function

Citation: Kovalenko E. N., Larionova T. V. Allusion and Its Functions in Distributed Cognition Theory in the English Language and Speech. *SibScript*, 2024, 26(4): 515–524. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-515-524>

Received 30 Oct 2023. Accepted after peer review 23 Jan 2024. Accepted for publication 29 Jan 2024.

Введение

Повышенное внимание лингвистов к языку как к живой системе, способной существовать, развиваться, адаптироваться к другим живым системам, в первую очередь к человеку – носителю языка [Кравченко 2022: 10], является закономерным результатом развития антропологической лингвистики и формирования традиции метапредметного подхода к изучению лингвистических явлений через призму изучения социума, отдельного индивида, иных знаковых систем [Брусенская, Куликова 2016: 6]. Характерной особенностью изучения языковых явлений в данном случае является признание того факта, что язык не только служит средством выражения когнитивной способности человека и общества, но и является механизмом формирования этой способности. Аллюзия как языковой и когнитивный феномен, с одной стороны, выступает результатом когнитивной способности человека, с другой – представляет собой динамическую структуру знаний. Данная способность аллюзии не может не вызывать интерес исследователей,

задающихся вопросами вербализации когниции и определения места явлениям, подобным аллюзии, в общей экосистеме существования человека и общества. Актуальность данного исследования определяется выбранным ракурсом изучения феномена аллюзии в рамках биологического подхода, а именно теории распределенной когниции.

Цель – определить особенности функционирования аллюзии в аспекте теории распределенной когниции. Задачи: уточнить характер взаимодействия языка и его носителя в лингвистической экосистеме с точки зрения теории распределенной когниции; описать функции аллюзии в процессе реализации когнитивной способности человека; обосновать моделирующий статус аллюзии в распределении когниции и языка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные в нем теоретические обоснования и результаты анализа практического материала могут быть использованы в решении вопросов терминологической ясности метапредметных

областей изучения языка и когниции; в преподавании теоретических и прикладных языковедческих дисциплин, социолингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, а также в рамках преподавания практического курса английского языка при изучении вопросов семантики отдельных языковых единиц.

Методы и материалы

Для решения вопросов терминологической ясности метапредметных областей изучения языка и когниции используются теоретические методы исследования, позволяющие изучить историю вопроса и выявить содержание основных понятий, а именно анализ теоретических подходов к определению содержания эколлингвистики и лингвоэкологии. Аккумуляция и синтез накопленного теоретического материала необходим для исключения возможных противоречий интерпретации ключевых понятий.

Задачи определения сущности аллюзии как когнитивного феномена и выявления ее функций в аспекте теории распределенной когниции решаются посредством использования методов концептуального и контекстуального анализа.

В качестве единиц исследования в публикации представлены текстовые фрагменты употребления сказочной аллюзии в художественных произведениях. Материалом исследования послужили тексты художественной литературы на английском языке английских и американских авторов. Всего было выделено и проанализировано 43 примера сказочной аллюзии. В содержание настоящей статьи были включены наиболее репрезентативные примеры, иллюстрирующие выдвигаемые положения. Обращение к сказкам как к источнику аллюзии вызвано значимостью данного текстового материала для формирования лингвокультурной среды, а соответственно, для определения основных векторов когнитивной способности членов данной среды. Являясь наиболее устойчивой формой культурной трансляции [Antanasievitch 2012], сказка содержит универсальные, закреплённые коллективным опытом нормы, образы, формирующие картину мира и правила существования в нем, что объясняет появление сказки еще на доречевом этапе развития ребенка. В период овладения речью сказка становится средством осознанного и рефлексивного отношения к миру, к себе и к языку.

В качестве справочного материала были использованы такие словари, как Longman Dictionary of English Language and Culture, The Penguin Dictionary of English Synonyms and Antonyms.

Теоретической базой исследования послужили публикации зарубежных и отечественных исследователей в области биологической природы когниции и языка [Кравченко 2022; Матурана, Варела 2019; Hutchins 1995], лингвистической экологии и эколлингвистики [Димитрова 2018; Колмогорова 2019; Сквородников 2013], а также исследования аллюзии [Белоножко 2023; Гарифуллина 2019].

Результаты

Важной характеристикой взаимодействия человека и языка является взаимная стимуляция изменения состояний, определяемых их структурами. Л. В. Щерба, рассматривая взаимодействие языка, речи и речевой деятельности, подчеркивал, что речевая деятельность является, во-первых, социальным продуктом, во-вторых, результатом когнитивной переработки отдельного индивида [Щерба 1974]. Таким образом, овладение родной и иноязычной речью предполагает осознанное применение основанных на личном опыте речевых практик, что и составляет содержание рефлексивного отношения к языку и к его изучению. Освоение речевых практик невозможно без понимания условий формирования речевой личности, владеющей необходимой системой лингвокультурных знаний. Взаимодействие языка, человека, говорящего на данном языке, и среды, обусловленной речевой культурой, является предметом изучения относительно новой области научных знаний – экологической лингвистики, которая активно изучает лингвистические проблемы формирования речевой культуры.

Введенный Э. Хаугеном термин *лингвистическая экология (linguistic ecology)* в настоящее время стал своеобразным терминологическим зонтиком для большого количества междисциплинарных исследований, занимающихся проблемами взаимодействия языка и среды общения человека, говорящего на данном языке. Само понятие экологии «расширило неимоверно свой объем и превратилось в название некой интегративной науки» [Димитрова 2018: 9]. Представители неопсихолингвистики и психолингвокультурологии, экологической коммуникации, экологической политики, когнитивной экологии, анализируя в целом проблему экологии общения, последовательно рассматривают вопросы культурной составляющей в системе *язык – человек* [Зыкова и др. 2017], влияние факторов глобализации на взаимодействие языка и человека [Дзялошинский 2019; Карасик, Слышкин 2021], воздействие человека на лингвистическую среду своего существования [Колмогорова 2019].

А. П. Сквородников, анализируя понятия *лингвистическая экология* и *экологическая лингвистика*, рассматривает их в отношении третьего термина – *культуры речи*, т. к. они существуют в рамках одного предметного поля – нормы речи [Сквородников 2013].

Почти сразу исследователи-лингвисты обратили внимание на необходимость разграничения понятий *лингвистическая экология* и *экологическая лингвистика*. Лингвистическая экология не ограничивается исключительно поиском правил употребления языка, сохранением чистоты языка и речи. Для сторонников лингвистической экологии важным является изучение условий естественного развития и существования языка, когда любой, на первый взгляд отрицательный факт исчезновения слов, замены аутентичной лексики заимствованной и т. д. рассматривается не как пример языковой и речевой деградации, а как свидетельство того, что язык – это живой организм, напрямую зависящий от еще одного живого организма – человека [Бубнова 2019; Гриднева 2019].

Экологическая лингвистика, в свою очередь, в качестве объекта исследования выбирает человека, говорящего на языке [Коровушкин 2011]. Ее волнуют проблемы формирования когнитивного механизма человека в соответствии с языковой средой и ее влиянием на речевую культуру. Экологическая лингвистика в большей степени занимается изучением условий *здорового* существования человека в лингвокультурной среде, вопросами естественного включения его в данную среду посредством восприятия с раннего детства речевых практик. Данные выводы подтверждаются тезисами биологической теории языка и когниции. Использование для описания характера взаимодействия языка и человека соответствующих биологических терминов *живое тело*, *мембрана организма*, *нервные системы* неслучайно, т. к. это дает возможность понять зависимость каждого члена экосистемы *человек – язык – лингвокультурное общество* друг от друга и обозначить отношения внутри данной экосистемы как интеракцию. При этом термин *интеракция* следует понимать не только как совместный контакт двух и более субъектов для решения общих задач, важными характеристиками которого являются непрерывность и одновременное использование сразу нескольких каналов связи [Семенова, Рождественская 2020].

Согласно Э. Томпсону, «сознание отдельного человека не заключено в голове, оно простирается через

все живое тело и включает мир, находящийся по другую сторону биологической мембраны организма, в особенности межличностный, социальный мир себя и других»¹ [Thompson 2001: 2]. Таким образом, развитие языка и человека-носителя данного языка возможно благодаря интерактивному взаимодействию всех членов лингвистической экосистемы, которое осуществляется посредством «расширенного сознания» [Clark, Chalmers 1998], а также распределения когниции в культуре [Кравченко 2013: 7]. Кроме того, можно отметить, что «разумность не заключена исключительно в пределах телесной оболочки организма, ментальные процессы не ограничены исключительно пределами организма, а сознание познающего субъекта не локализовано исключительно в пределах мозга» [Калинин 2014: 146] Все вышеизложенное емко описывает основную идею теории распределенной когниции.

Следуя теоретическим построениям А. В. Кравченко, мы можем определить, что распределенная модель языка – это «модель, в которой язык, отнюдь не являясь однородным внутренним кодом, описывает разнородный набор артефактов и практик» [Кравченко 2013: 268]. Из данного утверждения естественным образом следует вывод о том, что когнитивное освоение окружающего мира может производиться как с помощью поликодовых систем языка, так и с помощью предметов и явлений окружающей действительности. Одним из языковых средств, являющихся эффективным инструментом именованья объектов окружающей действительности, является аллюзия. На примере обращения к аллюзии рассмотрим реализацию теории распределенной когниции.

Аллюзия обычно определяется как стилистический прием, являющийся краткой ссылкой на известное литературное, историческое, мифологическое, библейское, сказочное лицо, событие, факт. Существует ряд исследований, посвященных изучению роли и статуса аллюзии в речемыслительной деятельности человека. Например, работы, направленные на изучение существующих на данный момент подходов к исследованию аллюзии с точки зрения литературоведческого, лингвосомиотического, интертекстуального, когнитивного, когнитивно-дискурсивного, лингвостилистического и лингвокультурологического подходов [Султанов, Курбанова 2020; Massalskaya et al. 2020], на определение базисных характеристик стилистического приема аллюзии на основе описания

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен Е. Н. Коваленко.

ее главной функции – оценочно-характеризующей [Белоножко 2023], на выявление особенностей функционирования аллюзий, репрезентируемых посредством различных прецедентных феноменов [Каштанова и др. 2023]. Внимание ученых привлекла и культурная маркированность аллюзии в дискурсе литературных произведений [Гарифуллина 2019]. Интересным, на наш взгляд, представляется вопрос функций аллюзии в реализации когнитивной способности человека.

В литературоведении аллюзия изучается как словесный художественный образ. Однако, если рассматривать аллюзию с точки зрения когнитивной лингвистики, ее роль состоит в скрытом способе передачи информации. Одним из основных условий полного раскрытия аллюзии является ее узнаваемость. Использование аллюзий предполагает, что объект известен и говорящему, и реципиенту и не может затруднить процесс общения. Если аллюзия не несет никакой информации для реципиента, ее употребление теряет смысл. Аллюзия также может функционировать как средство расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на свойства и качества объектов, о которых идет речь в данном высказывании. В таком случае аллюзия не только восстанавливает хорошо известный образ, но и извлекает из него дополнительную информацию [Петроченко, Коваленко 2005]. На наш взгляд, данное свойство аллюзии отражает конститутивную когнитивную функцию, благодаря которой говорящий формирует дискурсивную реальность, т. е. говорящий с помощью аллюзии делает когнитивную выборку устоявшихся образов, соотнося их с действительностью, затем благодаря своему субъективному опыту наделяет эту действительность дополнительными смыслами. Данное предположение поддерживается мыслью о том, что дискурсивная реальность – сложная структура, совмещающая в себе реальную и квази-реальную действительность, которая, как правило, оторвана от реального времени и пространства [Борботько 2009].

Рассмотрим реализацию данной функции на примере:

If you said something which was not suitable to the mechanism, then it worked: if not, it did not work, it stood still... <...> They were like that door in the fairy

*story, which opened when you said Sesame*² – Если ты произносил что-то, не устраивающее машину, она срабатывала, если нет, – сохраняла неподвижность... <...> Эти машины были очень похожи на ту сказочную дверь, которая отворялась, когда ей скажешь **Сезам**.

Сезам – волшебное заклинание, которое использовали разбойники в сказке «Али-Баба и сорок разбойников» (из цикла сказок «Тысяча и одна ночь»), чтобы открыть потайную дверь в пещеру с сокровищами. На основе прецедентной информации лексема *Sesame* или фразеологизм *Open Sesame* приобретают значение *код, пароль, помогающий быстро получить желаемый результат*. В рассматриваемом примере аллюзия *that door in the fairy story, which opened when you said Sesame* представлена фразой. Фрагмент *that door in the fairy story, which opened* не является аллюзией сам по себе, в то время как информационную значимость имеет именно лексема *Sesame*. Люди-роботы показаны как некие механизмы, выполняющие действия при получении вербального сигнала-раздражителя. Они сравниваются с дверью в пещеру: начинают действовать и демонстрируют определенный результат только на основании парольного слова *Sesame*.

Помимо узнаваемого благодаря аллюзии образа, автором создается дополнительный смысл описываемой ситуации, уже обозначенный квазиреальный компонент, а именно ощущение сжатости, тесноты. Появление лексемы *сезам* в заклинании неслучайно, слово обозначает маленькую кунжутную коробочку, раскрывающуюся благодаря определенным механическим манипуляциям. Очевидно, многолетние наблюдения за природным явлением позволили сформировать своеобразный вербальный код и включить его в известную сказку, откуда через языковую аллюзию этот образ проник в когнитивное пространство соответствующего лингвокультурного сообщества. Данный пример демонстрирует распределение когниции между членами одного лингвокультурного сообщества, между отдельным индивидом и языком, используемым им в реальном времени и пространстве и во времени, т. к. прошлые события оказывают влияние на последующие [Hutchins 1995].

Еще одной функцией аллюзии в русле теории распределенной когниции является функция верификации – подтверждение соответствия корректному пониманию, восприятию действительности.

² White T. H. The Book of Merlin. Austin: University of Texas Press, 1977. P. 68.

Воспитательная функция сказки и сказочных образов проявляется в формировании у ребенка представления о правилах взаимодействия с окружающим миром: понимания своих границ, ответственности за действия и т. д. Развитие языка и лингвокультурной среды неизбежно приводит к появлению нового знания и трансформации всех участников лингвистической экосистемы. Во избежание потери информации, относящейся к кодовой, культурно значимой, в языке появляются своеобразные якоря, формирующие правильные ассоциации, к ним мы относим аллюзии. Рассмотрим пример:

*How could he feel normal with Mam and Dad not talking, and Mrs. Pascoe mad at him, and Jamie coming and going like the Cheshire cat*³ – Как вообще можно было быть спокойным в такой ситуации, ведь мама и папа не разговаривали друг с другом, Миссис Паско была жутко сердита на него, а Джейми, словно Чеширский кот, появлялся и исчезал без предупреждения.

Чеширский кот – один из наиболее запоминающихся персонажей произведения Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Этот персонаж обладает свойством внезапно появляться и исчезать, оставляя после себя широкую улыбку. Словарь Лонгмана приводит следующую дефиницию: "Cheshire cat has the power to disappear and appear very quickly. When Alice asks him to stop disappearing and appearing so quickly, the cat disappears very slowly until only its big smile is left. People sometimes say someone is "grinning like a Cheshire cat" to mean that they have a big and rather silly smile on their face"⁴ (Чеширский кот обладает способностью быстро появляться и исчезать. Когда Алиса просит его перестать появляться и исчезать так быстро, кот начинает растворяться в воздухе очень медленно до тех пор, пока от него не остается только широкая улыбка. Выражение «улыбка Чеширского кота» часто употребляется для обозначения широкой и довольно глупой улыбки).

Аллюзия *coming and going like the Cheshire cat* вызывает в сознании читателя ассоциации с непредсказуемыми и внезапными перемещениями Чеширского кота в пространстве, что очень не нравилось Алисе. Такое поведение свойственно и Джейми, который приходит и уходит в соответствии со своими желаниями.

Употребление данной аллюзии привносит в дискурс элемент оценочности: главный герой не доволен ситуацией, сложившейся в его семье, и постоянные исчезновения Джейми вызывают у него чувство раздражения. В данном случае значимым является не сам образ, стоящий за аллюзией, а отношение говорящего к этому образу и действительности. Семантика глаголов *go, come* усилена посредством аллюзии *like the Cheshire cat*.

Выделенные в результате анализа языкового материала функции аллюзии позволяют выдвинуть предположение о том, что должны существовать общие закономерности реализации данного лингвистического феномена как когнитивного механизма. Речь идет о моделирующем статусе аллюзии в лингвистической экосистеме. Иными словами, использование аллюзии предполагает набор универсальных когнитивных процедур, которые позволят реализовать распределенную когницию. Предположим, что данная модель может быть представлена следующим образом:

- эфферентное, т. е. идущее от центра когниции оценивание фрагмента реальной действительности на уровне образов, концептов, сценариев (установка *Я хочу назвать как можно точнее и понятнее то, что я вижу, слышу или чувствую* – проявление конститутивной функции);
- соотнесение семантической составляющей выбранной аллюзии с дискурсивным пространством (установка *Я должен быть уверен, что меня поймут правильно* – демонстрация верифицирующей функции);
- формирование интеракции человека и языка в рамках лингвистической экосистемы (установка *Я формирую новое знание для себя и других* – данная установка становится очевидной, когда лексема как знак-репрезентант аллюзии порождает соответствующие дериваты).

Рассмотрим лексему *Cinderella* в словосочетаниях *Cinderella moment, Cinderella fantasy / fantasies, Cinderella dream, Cinderella act*.

Лексема *moment* в сочетании с определением *Cinderella* приобретает категоризирующие черты, позволяющие рассматривать значение, реализуемое посредством данного словосочетания, как *звездный час, момент триумфа*. Следующий пример представлен отрывком из произведения К. Баркера «Каньон Холодных Сердец»:

³ Campbell E. Barra's Angel. L.: Fourth Estate, 1999. P. 114.

⁴ Longman Dictionary of English Language and Culture. Essex: Edinburgh Gate, 2002. P. 213.

*This was Tammy's Cinderella moment: her dream comes true. All right, perhaps all the details weren't perfect... But she was happy to take what fate was giving her: and fate was giving her a chance to walk into an A-list party on the arm of Todd Pickett*⁵ – **Она словно превратилась в Золушку** – ее заветная мечта сбылась. Ну, хорошо, возможно, не все было идеально... Но она была счастлива получить в подарок от судьбы такой шанс: прийти на эту звездную вечеринку под руку с самим Тоддом Пиккетом.

Данный отрывок построен на описании посещения Тамми (Tammy), обычной, небогатой девушки, привилегированной вечеринки с богатым и знаменитым кавалером. Данное событие становится для девушки ее звездным часом, *часом Золушки*. Находясь рядом с кинозвездой (Todd Pickett), Тамми автоматически попадает в круг его друзей и знакомых, что, по ее мнению, ставит ее на несколько ступеней выше, чем повседневное положение девушки в обществе.

Набор ассоциаций для лексем *fantasy / fantasies, dream* в данном дискурсе будет совпадать: мечтаемость, иллюзорность⁶. Очевидно, что употребление названных лексем с определением *Cinderella(-'s)* приводит к формированию значения *мечта о чуде / заветная мечта*. Необходимо отметить, что в качестве чуда может рассматриваться любое событие, описанное в прецедентном тексте: процесс дарения, появление нового окружения, встреча с Прекрасным принцем и т. д.

*She was invisible as far as these people were concerned... she was simply a non-presence. She could have been standing right in their line of vision and somehow their gaze would have slid off her and around her; <...> So much for the Cinderella fantasy. It was a nightmare*⁷ – Она была словно невидимкой для всех этих людей... ее просто не существовало. Она могла бы стоять прямо у них перед глазами, и все равно бы их взгляд был направлен куда угодно, но не на нее; <...> **Мечты Золушки** не сбылись. Они обернулись кошмаром.

Данный пример является продолжением рассмотренного выше отрывка, построенного на обращении к аллюзии *this was Tammy's Cinderella moment*.

Развитие сюжетного действия демонстрирует, что общество, в котором оказалась героиня произведения, не принимает ее. Явно проявляется разочарование Тамми в себе и своих мечтах, а также крушение надежд и ожиданий на возможность быть принятой в *избранное общество*. На смену ощущения эйфории приходит понимание того, что не стоит ожидать слишком многого. В данном случае формируется иронический подтекст: *слишком много для мечты о чуде*, т. е. чудес не бывает.

В рассматриваемом примере Чарльз просит прощения у Даниэли за то, что всегда воспринимал ее, как избалованного ребенка, живущего фантазиями. Здесь аллюзия *Cinderella fantasies* является средством представления таких установок, как мечта о красивой жизни, прекрасном принце и т. д.

Во всех рассмотренных примерах можно наблюдать трансформацию денотативного аспекта лексем, входящих в словосочетания со словом *Cinderella* (формирование нового знания о действительности).

Заключение

XX и XXI века ознаменовали собой не только смену научной парадигмы в области лингвистических исследований, поставив акцент на человеческом факторе в системе *язык и человек*, но и заложив фундамент для дальнейших исследований природы взаимодействия в данной системе. Признание доминирующего статуса человека в жизни и существовании языка привело в конечном итоге к пониманию того, что язык тоже способен на самопроизводство и саморазвитие. Эколингвистический подход характеризует систему *язык и человек* исключительно как интерактивное взаимодействие, для которого свойственны взаимонаправленность и постоянный поиск дополнительных каналов связи. Создавая языковую систему для реализации коммуникативной, когнитивной и других функций, человек формирует уникальную саморегулирующуюся платформу. На примере теории распределенной когниции можно убедиться, как человек познает окружающий мир через языковую систему, привлекая для этой цели все элементы окружающей экосистемы: предметы, других участников общения, а также аллюзивные средства, которые объединяют в одном коммуникативном пространстве иные дискурсивные фрагменты.

⁵ Barker C. Coldheart Canyon. L.: Harper Collins, 2002. P. 690.

⁶ PDESA: The Penguin Dictionary of English Synonyms and Antonyms, ed. R. Fergusson. L.: Penguin Books, 1992. P. 144.

⁷ Barker C. Coldheart Canyon. L.: Harper Collins, 2002. P. 693.

Аллюзия как лингвистический феномен предполагает расширенный перенос свойств известных всем коммуникантам объектов на предмет коммуникации, наполняя его денотативную составляющую дополнительными смыслами. Данное свойство аллюзии проявляется в конститутивной функции, благодаря которой участники коммуникации формируют общее дискурсивное пространство. Верифицирующая функция аллюзии направлена на соотнесение восприятия полученной информации с заложенными общей лингвокультурой когнитивными образами и установками.

Благодаря набору универсальных процедур аллюзия моделирует новое когнитивное пространство. Используя аллюзию, говорящий, во-первых, оценивает дискурсивную реальность, в рамках которой происходит коммуникация, на уровне образов, установок, во-вторых, расширяет данное пространство за счет новых образов и установок, понятных всем участникам общения, в-третьих, создает новую дискурсивную реальность, что проявляется в трансформации денотативного аспекта лексических единиц.

Таким образом, понимание аллюзии в качестве средства моделирования дискурсивного пространства и когнитивных установок говорящих за счет

ее конституционной и верифицирующей функций дает более глубокое и комплексное восприятие рассматриваемого лингвистического феномена, создает предпосылки для дальнейшего изучения отдельных языковых фактов в аспекте теории распределенной когниции.

В качестве перспектив дальнейшего исследования рассматривается в том числе возможность использования предложенного в публикации подхода к интерпретации аллюзии на материале нехудожественных произведений, в частности текстов СМИ.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Белоножко Н. Д. Аллюзия как средство выражения многоуровневой имплицитной оценки. *Большая конференция МГПУ*. (Москва, 28–30 июня 2023 г.) М.: ПАРАДИГМА, 2023. Т. 3. С. 174–178. [Belonozhko N. D. Allusion as a means of revealing multi-layered implicit assessment. *Big Conference at Moscow City Pedagogical University, Moscow 28–30 Jun 2023*. Moscow: PARADIGMA, 2023, vol. 3, 174–178. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qjdblv>
- Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. 3-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 286 с. [Borbotko V. G. *Discourse formation principles. From psycholinguistics to linguistic synergetics*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2009, 286. (In Russ.)]
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика. М.: ФЛИНТА, 2016. 184 с. [Brusenskaya L.A., Kulikova A. G. *Ecological linguistics*. Moscow: FLINTA, 2016, 184. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtzwvb>
- Бубнова И. А. Функциональная неграмотность: неучтенные риски или запланированный результат? *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2019. № 17. С. 23–31. [Bubnova I. A. Functional illiteracy: Unforeseen risks or preplanned results? *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatelnosti*, 2019, (17): 23–31. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cuhkcn>
- Гарифуллина А. М. Культурологическая маркированность аллюзий в рамках художественного дискурса Д. Фаулза. 2-е изд., испр., доп. М.: ИНФРА-М, 2019, 120 с. [Garifullina A. M. *Cultural marking of allusions in the framework of J. Fowles' artistic discourse*. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2019, 120. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/monography_5c3c4cb22b7ea2.30369821
- Гриднева Т. В. Фразеология в зеркале эколлингвистики. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 9. С. 131–134. [Gridneva T. V. Phraseology in the mirror of ecolinguistics. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, (9): 131–134. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kphaji>

- Дзялошинский И. М. Экология коммуникаций. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. 443 с. [Dzyaloshinsky I. M. *Communication Ecology*. Saratov: Ai Pi Er Media, 2019, 443. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vhemap>
- Димитрова С. Лингвистика и здравый смысл. *Русистика 2018*: Междунар. науч. симпозиум «Экология языка и современной коммуникации». (Шумен, Болгария, 26–29 апреля 2018 г.) Шумен: Химера, 2018. С. 9–16. [Dimitrova S. Linguistics and common sense. *Russian Studies 2018*: Proc. Intern. Sci. Symposium on Ecology of language and modern communication, Shumen, Bulgaria, 26–29 Apr 2018. Shumen: Chimera, 2018, 9–16. (In Russ.)]
- Зыкова И. В., Уфимцева Н. В., Красных В. В., Бубнова И. А. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. 392 с. [Zykova I. V., Ufimtseva N. V., Krasnykh V. V., Bubnova I. A. *(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguistic culturology: New studies of Homo Loquens*. Moscow: Gnozis, 2017, 392. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yjusqf>
- Калинин С. С. О применении теории распределенной когниции для структурного анализа концептуальной образности. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 6. С. 146–150. [Kalinin S. S. About the applying of the distributed cognition theory to analyze the structure of conceptual images. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (6): 146–150 (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/snjbxp>
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021. № 1. С. 14–31. [Karasick V. I., Slyshkin G. G. Modern discourse developmental trends. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2021, (1): 14–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>
- Каштанова И. И., Бирюкова О. А., Ветошкин А. А. Прецедентные феномены как основа аллюзий в англоязычном медиадискурсе. *Гуманитарные науки и образование*. 2023. Т. 14. № 3. С. 155–159. [Kashtanova I. I., Biryukova O. A., Vetoshkin A. A. Precedent phenomena as the basis for allusions in the English-language media discourse. *The Humanities and Education*, 2023, 14(3): 155–159. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ezqshe>
- Колмогорова А. В. Лингвистика когнитивная и экологичная: к вопросу о перспективах применения концепции когнитивной экологии в лингвистических исследованиях. *Экология языка и коммуникативная практика*. 2019. № 3. С. 19–28. [Kolmogorova A. V. An ecological view on cognitive linguistics: Perspectives of applying the principles of cognitive ecology in linguistic researches. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika*, 2019, (3): 19–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17516/2311-3499-065>
- Коровушкин В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2011. № 1. С. 60–64. [Korovushkin V. P. Basic attributes of linguistic ecology as an autonomous branch of linguistics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2011, (1): 60–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ntsbmb>
- Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: ЯСК, 2013. 388 с. [Kravchenko A. V. *From language myth to biological reality: Rethinking the cognitive concepts of linguistics*. Moscow: IaSK, 2013, 388. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/raogwz>
- Кравченко А. В. Экологическая парадигма в исследованиях языка: смена познавательных установок. In: Бакланова И. И., Басовская Е. Н., Башкова И. В., Борчиева Б. Т., Волкова Я. А., Горбунова Л. И. и др. *Лингвоэкология: проблемы и пути их решения*. Красноярск: СФУ, 2022. С. 10–27. [Kravchenko A. V. Ecological paradigm in language researches: Cognitive shift. In: Baklanova I. I., Basovskaya E. N., Bashkova I. V., Borchieva B. T., Volkova Ya. A., Gorbunova L. I. et al. *Linguistic ecology: Problems and solutions*. Krasnoyarsk: SFU, 2022, 10–27. (In Russ.)]
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. 2-е изд., доп. М.: URSS, 2019. 316 с. [Maturana H., Varela F. *Tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2019, 316. (In Russ.)]
- Петроченко Л. А., Коваленко Е. Н. К вопросу об ассоциативных основах метафоры. *XXIV Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания иностранных и национальных языков*: Междунар. конф. (Томск, 22–26 июня 2005 г.) Томск: ТГПУ, 2005. С. 132–134. [Petrochenko L. A., Kovalenko E. N. Associative basis of metaphor. *XXIV Dulzon Readings. Comparative, historical, and typological study of languages and cultures. Issues of teaching foreign and national languages*: Proc. Intern. Conf., Tomsk, 22–26 Jun 2005. Tomsk: TSPU, 2005, 132–134. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uzktqt>

- Семенова В. В., Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: Интеракция. Интервью. Интерпретация. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2020. Т. 12. № 3. С. 92–105. [Semenova V. V., Rozhdestvenskaya E. Yu. INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation. *Interaction. Interview. Interpretation*, 2020, 12(3): 92–105. (In Russ.)] URL: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.5>
- Сковородников А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка. *Экология языка и коммуникативная практика*. 2013. № 1. С. 194–222. [Skovorodnikov A. P. On the way ecolinguistics can be applied to the state of contemporary Russian language. *Ekologiia iazyka i kommunikativnaia praktika*, 2013, (1): 194–222. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sjmtth>
- Султанов К. Г., Курбанова Э. А. Аллюзия как вид интертекста в романе Дэниела Куинна «Измаил». *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2020. Т. 35. № 1. С. 69–74. [Sultanov K. G., Kurbanova E. A. Allusion as a form of intertext in Daniel Quinn's *Ishmael*. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 2020, 35(1): 69–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2020-35-1-69-74>
- Шерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. *Языковая система и речевая деятельность*, ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 24–39. [Shcherba L. V. The triple aspect of language knowledge and the experiment in language study. *Language system and speech activity*, eds. Zinder L. R., Matusevich M. I. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-ie, 1974, 24–39. (In Russ.)]
- Antanasievitch I. Tale: The perception of the cultural code. *Tyumen State University Herald*, 2012, (1): 4–7. <https://www.elibrary.ru/qbarkp>
- Clark A., Chalmers D. The extended mind. *Analysis*, 1998, 58(1): 7–19. <https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7>
- Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1995, 402.
- Massalskaya U. V., Ikhsanova L. I., Bezzemelnaya O. A. The concept of "Allusion" and approaches to its study. *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, (4): 74–76. <https://www.elibrary.ru/nneeap>
- Thompson E. Empathy and consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 2001, 8(5-7): 1–32.